

С.И. Марахонова

А.А. Байов — еще одно возвращенное русское имя. Судьба ученика О.О. Розенберга

Алексей Алексеевич Байов — последний из немногочисленных учеников О.О. Розенберга — прожил всего 24 года. Он практически не известен в российском востоковедении, поскольку в 1919 г. вынужден был эмигрировать в Эстонию. Судьба его сложилась так, что он не имел возможности продолжать занятия буддизмом, но стал одним из ведущих литературных критиков в эстонской эмигрантской прессе, где и были опубликованы его статьи, посвященные состоянию востоковедной науки в России первых лет советской власти и исследованию творчества О.О. Розенберга, а также русской литературе, эстонскому русскому театру, художественным выставкам в Таллине и пр. Байов печатался под псевдонимами и поэтому долгое время оставался «невидимкой».

Ключевые слова: А.А. Байов, О.О. Розенберг, А. де Готвиль, буддология, восточная филология, русские литераторы — эмигранты в Эстонии в 1918–1940 гг.

26 ноября 1919 г. в Таллине (еще долгое время по-прежнему называвшемся Ревелем¹) скончался бежавший из Советской России молодой блестящий ученый-буддолог Оттон Оттонович Розенберг. Через некоторое время об этом стало известно его российским коллегам. Но когда? И насколько полной была информация, просочившаяся в востоковедные круги? В письме к свояченице из Финляндии в октябре 1920 г. другой русский востоковед и эмигрант, выдающийся японист С.Г. Елисеев (Елисеев, 1993, с. 22), сообщает только, что Розенберг ушел с белыми после разгрома армии Юденича, что он уехал в Ревель и что он умер от скарлатины². Неизвестно, когда и где Елисеев узнал об этом: еще в Петрограде, до своего отъезда из России 23 сентября 1920 г., или уже в Финляндии.

Официально откликнулись на кончину О.О. Розенберга С.Ф. Ольденбург (Ольденбург, 1922, с. 157–158) и Ф.И. Щербатской (Stcherbatsky, 1924, S. 44–47), написавшие воспоминания о нем. Но это произошло лишь в 1922 и 1924 гг. соответственно. Место и точные обстоятельства смерти молодого ученого не были названы. Щербатской указал лишь скорбную дату — 26 ноября 1919 г., назвал причиной смерти скарлатину и как-то неопределенно намекнул на вынужденный уход Розенберга из Павловска (где тот жил) при отступлении белой армии от Петрограда, на необходимость искать убежище в Эстонии и Финляндии. Вероятно Ольденбург, действительно, мог тогда еще многого не знать. Однако Щербатской, в 1923 г. получивший ряд писем от вдовы Розенберга, был посвящен в подробности гибели своего талантливого ученика, но представил их в наиболее нейтральной интерпретации.

¹ Ревель получил официальное эстонское название Таллин в 1919 г., после того как Эстония стала советской республикой. Я употребляю написание Таллин с одной «н», как было принято в 1920-е годы, когда речь идет о событиях того времени, и современное написание Таллинн в остальных случаях.

² Эти материалы С.Г. Елисеева хранятся в г. Тэри (Япония) в архиве Н.А. Невского, и только в 1975 г. их фотокопии были привезены проф. Е.И. Кычановым в Ленинград, но долгое время не были опубликованы.

Вероятнее всего, старшие коллеги Розенберга таким образом, скрывая ряд фактов, пытались уберечь его память, защитить его от возможных обвинений в сотрудничестве с белыми и предательстве советской родины. Опустив завесу тайны над судьбой Розенберга, они тем самым усложнили задачу позднейшим биографам ученого. Те называли разные версии даты и места гибели ученого — от более ранней до гораздо более поздней, от Павловска до Дальнего Востока.

Но сохранилось еще одно свидетельство современника тех событий, проживавшего в Таллине, современника, чья личность и судьба, по нашему мнению, также заслуживают внимания. Речь идет о довольно обширной статье об Оттоне Розенберге, опубликованной спустя полгода после его смерти, 28 мая 1920 г., в таллинской газете русских эмигрантов «Свобода России» (№ 116)³. Если не считать некролога в немецкоязычной таллинской газете «Revaler Bote» 1 декабря 1919 г. [см. (Лаэнеметс, 2000, с. 69, примеч. 18)], это было первое официальное упоминание о смерти Розенберга и первое публичное признание его научных заслуг. К сожалению, эта работа попала в поле зрения биографов Розенберга только 10 лет назад — в начале 2000-х годов, иначе она давно бы пролила свет на те трагические события.

Статья в «Свободе России» была подписана неким А.А. Байовым. «26 ноября 1919 г. скончался в городе Ревеле от паралича сердца один из выдающихся философов и ориенталистов не только России, но и всего цивилизованного мира, профессор факультета восточных языков Петроградского университета Оттон Оттонович Розенберг». Автор, именующий себя единственным учеником Розенберга, пламенно признается ему в большом уважении, восхищении и преданности. Так пафосно написанное жизнеописание учителя выдает в авторе человека совсем еще молодого, восторженного и романтического. Человека, вместе со своим учителем видящего в буддизме великий путь развития духовности. «И вот О.О. Розенберг начинает уже сам, без участия японских буддистов, изучать древние философские тексты. И здесь он понял, что буддийская философия представляет собой систему, могущую разрешить все проблемы современной философии и филологии, представляющую колоссальный интерес и значение для современности, находящейся уже на пороге разрушения старого миропонимания». Байов «считает своим долгом продолжать начатое О.О. Розенбергом великое дело не только воссоздания гениальной философской системы, но и привести эту систему в соприкосновение с философскими системами Запада» (Байов, 1920, 28 мая).

Но современные исследователи, интересующиеся творчеством Розенберга и его загадочной гибелью, — эстонский буддолог М. Лаэнеметс (Лаэнеметс, 2000, с. 66–71) и американский нейрофизиолог Дж. Барлоу (Барлоу, 2002, с. 464–478), которые привели в своих интереснейших статьях сведения Байова о Розенберге, никак его не идентифицируют. Барлоу вообще именуется Байова Баевым (вероятно, Баёвым)⁴. Лаэнеметс пишет: «О личности и судьбе А.А. Байова, к сожалению, ничего более (кроме того, что он представлялся единственным учеником Розенберга. — С.М.) не известно... Скончался ли Байов, оставшийся неизвестным научной общественности, также в молодом возрасте или ему не удалось продолжить дело своего учителя из-за неблагоприятных обстоятельств тех трудных лет, мы не знаем (Лаэнеметс, 2000, с. 69). Мне показалось это странным и досадным — ведь М. Лаэнеметс имел возмож-

³ С этой газетной статьей я впервые познакомилась в публикации М. Лаэнеметса (Лаэнеметс, 2000, с. 70–71), отрывки из нее приводит и Барлоу (Барлоу, 2002, с. 469, 471–472). Затем газета «Свобода России» была обнаружена мною в РНБ. Я цитирую эту статью по ее подлиннику.

⁴ Оригинальная работа Барлоу на английском языке мне недоступна. Статья была переведена на русский язык И.Э. Циперович.

ность обратиться за разъяснением к материалам архивов и библиотек Таллинна. Сама же личность неизвестного и «единственного ученика» великого Розенберга меня заинтриговала.

И вот через несколько лет, во время работы в петербургских городских архивах, я случайно столкнулась со знакомой уже фамилией. В делах Наркомпроса за 1919 г. она встретилась мне трижды. По Отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины проходил в качестве «руководителя экскурсий» (вероятно, экскурсовода) Алексей Алексеевич Байов, 1899 г. рождения. Оказалось, что этот руководитель экскурсий был студентом I Петроградского университета (ЦГА СПб. Ф. 2551, оп. 15, д. 11. Л. 50; оп. 13, д. 11. Л. 107).

Он также числится в списке подлежащих мобилизации по Народному комиссариату просвещения наряду с востоковедами И.А. Орбели, С.И. Климчицким, писателями В.В. Маяковским и И.Э. Бабелем. В этом же списке присутствует и другой студент и «руководитель экскурсий», Ю.К. Щуцкий (ЦГА СПб. Ф. 2551, оп. 13, д. 11. Л. 2, 2об., 3об., 4об.).

В ЦГА СПб в известном фонде документов студентов университета, к счастью, сохранилось личное дело Байова Алексея Алексеевича, 23 июля 1918 г. зачисленного в состав студентов I Петроградского университета по санскритско-китайско-монгольскому отделу разряда санскритской словесности факультета восточных языков. Документов в нем немного: два свидетельства об окончании училища, свидетельство о том, что он выдержал испытание по латинскому языку, и метрическое свидетельство (ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 2. Д. 172).

Алексей Алексеевич принадлежал к старинному немецкому роду Байовых. А.А. Байов родился 17 марта 1899 г. в г. Вильно и был крещен в Петропавловской полковой церкви. В то время его отец, Алексей Константинович Байов (1871–1935), капитан Генерального штаба, был прикомандирован к 105-му отдельному Оренбургскому полку. Дед его — Константин Алексеевич Байов — в чине генерал-майора командовал 40-й отдельной дивизией (ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 2, д. 172. Л. 6–6а). В 1902 г. А.К. Байов поступил в Николаевскую академию Генштаба, и семья переселилась в Петербург. В дальнейшем А.К. Байов стал крупным военным историком, автором ряда научных трудов, профессором Академии Генерального штаба по кафедре истории русского военного искусства (Исаков, 1996, с. 307).

Алексей Байов в августе 1910 г. поступил и в марте 1915 г. окончил полный курс обучения по основному отделению училища при евангельско-лютеранской церкви св. Анны (знаменитая Annenschule) в Петрограде с оценками «отлично» и «хорошо» по всем предметам (ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 2, д. 172. Л. 3). Но в его свидетельстве об окончании дополнительного класса реального отделения за следующий, 1916 г., оценки уже не так хороши. По арифметике, алгебре, тригонометрии, спец. курсу (основы аналитической геометрии и анализ бесконечно малых) юноша не смог набрать выше трех баллов (ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 2, д. 172. Л. 4). Во время испытания по латинскому языку в объеме полного курса мужских гимназий, проходившего в 11-й Петроградской гимназии 16 февраля 1917 г., он получил также оценку «удовлетворительно» (ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 2, д. 172. Л. 5). Следовательно, ни о какой золотой медали, якобы полученной Байовым по окончании гимназии (как говорится в одном из источников), не может быть и речи. Вероятно, золотая медаль, полученная по окончании гимназии при евангельско-лютеранской церкви св. Екатерины О.О. Розенбергом, просто случайно была приписана его ученику.

Юноша рос болезненным, углубленным в себя, мечтательным и рано начал проявлять интерес к литературе, поэзии, театру, живописи, пытался сочинять сам.

А.А. Байов. 1918 г. Фотография из студенческого личного дела.
Первая публикация в России.
ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 2, д. 172. Л. 1

Оборотная сторона фотографии А.А. Байова

Annenschule, в которой, кстати, учились В.В. Струве и Н.Н. Миклухо-Маклай, находилась на Кирочной улице, д. 8а (сейчас математический лицей № 239). Установить адрес семьи Байовых непосредственно по их приезде в Санкт-Петербург в 1902 г. не удалось⁵. Однако достоверно известно, что в августе 1917 г. (и позднее) Алексей Байов жил в Павловске, на Солдатской ул., 14, в собственном доме (ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 2, д. 172. Л. 8). Но в Павловске проживал и О.О. Розенберг! Хочется предположить, что семьи были знакомы и именно Розенберг привил задумчивому и романтичному юноше интерес к буддийской философии. Иначе почему Алексей поступил в университет лишь через два года после выпуска из училища? Не потому ли, что колебался в выборе жизненного пути, а такой яркий ученый, как Розенберг, помог этот выбор сделать.

Есть, правда, некоторые основания предполагать, что по окончании Annenschule Байов недолго учился в училище правоведения⁶, но документально это никак не подтверждено. Отсутствуют какие-либо свидетельства тому и в личном деле Алексея Алексеевича, заведенном на него при поступлении в университет.

Байов проучился на факультете восточных языков всего год, и его учителем был профессор О.О. Розенберг. Вместе с Байовым у Розенберга учился китаевед Ю.К. Щуцкий. Вот как сам Байов описывал эти занятия. «У О.О. Розенберга, который в петроградском университете читал японский язык и специальный курс по буддийской философии, никогда не было много учеников... Сначала он читал свои лекции в холодных, мрачных аудиториях университета. Потом перенес их в заставленный тибетской и монгольской бронзой хранительский кабинет Русского музея Александра III, где он в то время работал по буддийскому искусству. Автору этих строк и другому ученику незабвенного учителя Ю.К. Щуцкому никогда не забыть этих лекций, которые скорее походили на интимные, дружеские беседы» (Круус, 1989, с. 62)⁷. Вероятно, именно в Русском музее Байов и Щуцкий работали «руководителями экскурсий» — экскурсоводами.

⁵ Николаевская академия Генштаба находилась на Суворовском проспекте, д. 326. Annenschule была на соседней улице. Вероятно, семья и жила где-то неподалеку.

⁶ В некрологе Байова, написанном его товарищем по работе в «Последних известиях» Л. Лучининым, говорится: «Начал писать он еще мальчиком, в классах училища правоведения...» [цит. по (Круус, 1989, с. 66)]. Эта информация могла быть получена от самого Байова, однако, вероятно, что Лучинин перепутал училище правоведения с училищем при церкви св. Анны.

⁷ Здесь следует сказать несколько слов о Рейне Круусе (1957–1992) – известном молодом эстонском литературоведе-русисте, безвременно ушедшем в возрасте 35 лет. Рейн Круус окончил Тартуский университет, был учеником С.Г. Исакова. Основной научный интерес его составляла русская литература в Эстонии межвоенного периода (1918–1940). Данная статья Крууса – единственная специальная работа об Алексее Байове (о нем позднее напишет и Исаков, но не так подробно), венчающая многолетний поиск группы прибалтийских исследователей.

Статья была опубликована в русскоязычном таллинском журнале «Радуга» (аналоге журнала «Виверкаар» на эстонском языке), издание которого было начато на заре перестройки с 1986 г. Этот «бесцензурный литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник» позиционировал себя как новое прогрессивное издание, выражавшее взгляды свободомыслящей эстонской интеллигенции, а также борцов за независимость Прибалтики. Другой задачей журнала было открытие новых литературных имен. Именно в этой, литературной, ипостаси «Радуга» получила признание всесоюзного читателя. Р. Круус создал в журнале постоянную рубрику «Антология русской поэзии в Эстонии 20–30-х годов». Однако статья Крууса осталась неизвестна не только в российских востоковедных кругах, но и среди востоковедов в самой Эстонии. Так, о ней своевременно не узнали буддологи Линнарт Мялль и Маэрт Лаэнеметс.

В современной России журнал «Радуга» практически не известен и стал библиографической редкостью. Тем не менее, обнаружив ссылку на статью Р. Крууса, когда меня так увлекла загадка А. Байова, я с большим трудом все же сумела найти это издание в БАН. Материал, рассматриваемый эстонским ученым, помог установить, что же произошло с Алексеем Байовым после того, как он перестал быть студентом Петроградского университета.

О.О. Розенберг. 1906 г. Фотография из студенческого личного дела.
Первая публикация.

ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 45758. Л. 14

Больше о российском периоде жизни А.А. Байова нам ничего не известно. Вскоре он оказывается в Таллине (Ревеле), где в начале 1920 г. его имя появляется в русскоязычных газетах. Скорее всего, Байов перебрался в Эстонию вместе с семьей осенью 1919 г. Его отец, А.К. Байов, убежденный монархист, во время мировой войны в чине генерал-лейтенанта участвовал в боевых действиях. В 1919 г. он ушел к белым и во время отступления Северо-западной армии Н. Юденича от Петрограда вместе с ней оказался (со своей семьей) в Эстонии. И снова судьба А.А. Байова неким образом переплетается с судьбой его учителя. Ведь О.О. Розенберг тоже ушел из Павловска с белой армией и сумел добраться до Таллина. Опять трудно удержаться от мысли, не Байов ли старший помог Розенбергу уйти?

Алексею Байову, действительно, не пришлось продолжить дело своего учителя — он не стал специалистом по буддийской философии. Не обнаружено никаких его специальных работ. Но как человек талантливый, он быстро нашел себя на другом поприще — литературном, более того, стал одним из лучших литературных критиков в русскоязычной прессе Эстонии 1920-х годов⁸. И в первых своих работах он еще, по-видимому, ощущал себя востоковедом. Во всяком случае, тема соприкосновения Востока и Запада, пожалуй, выступает лейтмотивом большей части его сочинений. Байов начал печататься в газете «Свобода России»⁹ в 1920 г., и, вероятно, первой

⁸ Мне оказались доступны лишь три статьи Байова в газетах. Ряд его статей вообще отсутствует в России. Поэтому в некоторых случаях были использованы выдержки из его работ, приведенные в статье Р. Крууса (Круус, 1989).

⁹ Газета возникла как полуофициальный орган Северо-западного правительства, сформированного в Таллине 10–11 августа 1919 г. Первые ее номера (с 26 августа) вышли под названием «Свободная Россия». В декабре 1919 г., после разгрома войск Юденича под Петроградом, газета изменила свою направленность и стала органом левого лагеря русской общественности в Эстонии. Вместо призыва к борьбе с большеви-

его публикацией была статья о Розенберге (Байов, 1920, 28 мая). В этом же издании вышла другая его значительная работа «Русская наука. Восточная филология» (Байов, 1920, 3 июня). Статьи скорее похожи на научные обзоры, написанные на хорошем уровне, и выделяются на фоне обычных газетных материалов — просто печататься на русском языке в Эстонии было больше негде. У русской эмиграции, весьма ограниченной в средствах, долгое время не было собственных журналов.

Статья «Русская наука. Восточная филология» рассматривает состояние науки в России первых двух лет советской власти и тем самым представляет для нас значительную ценность. Наиболее интересна часть, посвященная буддизму. Байов подвергает критическому анализу подход к изучению буддизма, свойственный русской востоковедной школе. Основоположником этого подхода был О.О. Розенберг. Работы Розенберга «сразу поставили изучение восточной философии на грань между филологией западной, филологией и современной мистикой-теософией». Были предприняты новые методы исследования — «многие слова требовали иного перевода, термины получали другое значение... простой перевод уступил место конгениальному вновь-творчеству, при котором переводимый текст является лишь канвой, вехами Востока, по которым, точно по краю бездны неведомого до сих пор мира, должна идти западная мысль исследователя. Старые, привычные слова уже не могли быть употреблены в прежнем смысле, иначе правильное понимание предмета никогда бы не могло быть достигнуто». Главным достижением восточной филологии в России Байов считает «правильное понимание терминов — специальных слов для обозначения философских и религиозных понятий». Особое внимание обращает он на перевод философских буддийских сочинений, предпринятый сотрудниками Российской академии наук. Тексты переводились сразу с двух-трех языков. Так, «Трактат о чистом знании» («Абхидхармакоша»)¹⁰ переводился с китайского О.О. Розенбергом, а с санскрита и тибетского — Ф.И. Щербатским. Молодой синолог Ю.К. Щуцкий занимался изучением «Сутры о Лотосе истинного учения».

Нельзя забывать, что эти строки принадлежат почти еще юноше, только начавшему свои занятия буддизмом. Тем большего уважения заслуживает его собственное толкование «Трактата о срединности» Нагарджуны¹¹ и «Трактата о десяти ступенях сознания» Арьясанги¹² — «той части философской литературы позднейшего буддизма, которая до сих пор считалась наиболее парадоксальной... в настоящее время является наиболее ценной с точки зрения теории познания и психологии... эти сочинения замечательны тем, что рассуждение ведется в них как бы на грани человеческого мышления. Мысль борется со словами, стараясь вылиться в грамматическую форму. Но она выше языка, выше символов — лишь между словами мелькает ее истинный смысл. С одной стороны чувствуется безрассудность, если воспринимать все понятия как действительно существующие, — а с другой приходится удивляться логичности и силе мысли, которая дерзает разлагать самое себя на составные элементы, и говорит — „Нет мира, нет меня, нет ничего. И все есть. Моя мысль творит самое себя и мир — но нет ‘я’, нет творчества, нет меня и нет мира“» (в данной цитате сохранена пунктуация газетной публикации. — С.М.). Я воздержусь от комментария, насколько правильна эта интерпретация, но она, безусловно, выдает человека глубокого, вдумчивого и увлекающегося.

ками газета теперь радуется за признание Советской России и невмешательство в русские дела. Расцененная эстонскими властями как пробольшевистская, газета была закрыта летом 1920 г. (Исаков, 1996, с. 36, 146–149).

¹⁰ В газете — «Абидармакоша».

¹¹ В газете — Нагардтуна.

¹² В газете — Арьясанга.

Далее в статье Байов касается деятельности В.М. Алексева, известного исследователя китайской поэзии и фольклора. Упоминает он япониста С.Г. Елисева, который изучал старинные придворные драмы — мистерии ноо, а также поэтические легенды синтоистской религии. Не забыты были им и другие хорошо нам известные имена: «... в деле пробуждения древних культур принимал участие и Ближний Восток.

„История Египетской Литературы“ акад. Б.А. Тураева, исследование о гностиках прив.-доц. Флитнер, работы по египетскому искусству прив.-доц. Струве, „Арабская Поэзия“ прив.-доц. Крачковского, „Словарь тюркских наречий“ акад. Радлова, наконец, работы о происхождении иероглифической письменности Ассирии и психологии иероглифизма вообще акад. П.К. Коковцева и проф. О.О. Розенберга...» (Байов, 1920, 3 июня).

Еще раз Байов написал о своем учителе в годовщину смерти Розенберга в газете «Последние известия»¹³ от 27 ноября 1920 г. (№ 91). Здесь и в дальнейшем, в других изданиях, молодой человек не подписывается более своей настоящей фамилией. А.А. Байов исчезает с литературного горизонта, но появляются А. Готвил(л)ь, Ал. Готвилль, А. де Готвилль, Алексей Готвилль, А.Г.¹⁴. О его псевдониме стоит сказать особо. В июле 1918 г. юноша подписал заявление о приеме в университет двойной фамилией: А. Байов д'Отвилль (ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 2, д. 172. Л. 12)¹⁵. Есть основание полагать, что аристократический придаток восходит к древней западноевропейской фамилии потомков Танкреда (Tankrède, seigneur de Hauteville), родоначальника норманнских завоевателей Италии (Круус, 1989, с. 62). Возможно, Байов считал себя потомком древнего западноевропейского дворянского рода (Круус, 1989, с. 62)? Так или иначе, но его статьи, подписанные разными именами, очень близки друг другу по образному стилю и эмоциональному накалу и безусловно выдают одного и того же автора.

В июне 1920 г. Байов опубликовал в «еженедельнике литературы, искусства и жизни» «Облака»¹⁶ (№ 4) большую статью «Искусство в России», опять же не лишенную восточного уклона:

«В фотографическом ателье, под самой крышей Этнографического Музея Российской Академии Наук, художник Дудин срисовывает среднеазиатский орнамент, изучает фрески пещерных монастырей Западного Китая.

В буддийской галерее Русского Музея Александра III стараются разгадать символику изображений экстатических состояний, бродят взорами по пятнадцатипятиаршинным свиткам китайских икон...

А Народный Комиссариат Просвещения созывает комиссию специалистов, желая провести постановки исторических драм Китая и Японии...

„Всемирная Литература“ издает целый ряд переводных сочинений, а ее студия в Петрограде открывает вечерние курсы, где читается теория и практика поэзии, где проф. В.М. Алексеев впервые вводит в историю поэзию китайскую, а акад. С.Ф. Ольденбург — поэзию индийскую...

¹³ Это наиболее солидная и авторитетная русская газета в Эстонии 1920-х годов. Позиционировала себя как «внепартийная газета прогрессивно-демократического направления», но реально была органом правых эмигрантских кругов. В газете был неплохой литературный отдел (Исаков, 1996, с. 32, 149).

¹⁴ Таким образом, даже имея доступ к старым ревельским газетам и архивным материалам, трудно было бы отождествить автора, скрывавшегося за этими псевдонимами, с А.А. Байовым.

¹⁵ Признаюсь откровенно, что прочитать неразборчивую подпись мне удалось только благодаря статье Р. Крууса (Круус, 1989). Для этого пришлось обратиться к личному делу А. Байова во второй раз.

¹⁶ Это было первое русское чисто литературное издание Таллина, объединившее группу русских художников и литераторов, главным образом из тех, кто входил в кружок «Черная роза». Среди них был и А. Байов-Готвилль. Еженедельник (вышло всего четыре номера) отличался принципиальной аполитичностью и крайней разношерстностью публикаций (Исаков, 2001, с. 279).

Увлечение восточным искусством, которое так сильно развилось за последнее время в России, может служить примером этого стремления к чувственной потусторонности, этой жажды найти хоть какие-нибудь логически обоснованные состояния, которые способны дать и забвение для усталой мысли, и наслаждение в его самых причудливых, нервирующих обликах.

По двум путям идет современное русское искусство, и оба эти пути глубоко знаменательны не только для России, но и для всего цивилизованного мира» [цит. по (Круус, 1989, с. 64)].

Автор статьи предстает пред нами как внимательный наблюдатель и тонкий ценитель культурных событий, происходивших в Петрограде в страшную пору голода и разрухи, когда Байовы еще находились в Советской России. В качестве серьезного знатока литературной и художественной жизни тех лет А. Байов выступает в газете «Последние известия», где он пишет о выставке общества эстонских и русских художников «Ars» в Таллине [22 ноября 1920 г., № 86; см. (Круус, 1989, с. 64)] и о представлениях таллинской русской театральной труппы (Байов, 1920, 7 декабря).

Последняя статья настолько глубока в своем понимании драматургии и театральных постановок, игры актеров и работы режиссеров, что вновь вызывает удивление — неужели ее писал восторженный юноша в возрасте 21 года, а не дипломированный театровед?

Байов дает характеристику современному театру и делится своим видением театра будущего:

«С разбросанным репертуаром, с актерами, которые благодаря 2–3 могущим состояться репетициям не всегда твердо знают свои роли, с посылно хорошей постановкой, чаще впадающей в минус, чем в плюс, с золотым тельцом на месте верховного режиссера — но все-таки театр. Современный русский театр...

Русский театр в Ревеле не заслуживает упрека. Он на высоте. Упрек скорее тоскливой современности.

В настоящий момент театр — развлечение... уход от жизни своей в жизнь других...

За последние годы общество отстало от художественной жизни и своей культуры, оно пошло вспять, к старым, запыленным годами дорогам.

Но покой... призрачен, иллюзорен... Покой зимней спячки.

Имея, однако, в виду грядущую весну с ее пробуждением к новым мыслям и новым словам, хотелось бы бросить взгляд на этот „весенний“ театр, первые вестники которого уже бороздят кое-где подгнивший воздух зимнего застоя...

„Весенний театр“ — театр пробуждения нового искусства!..

Театр — больше, чем жизнь; сцена интенсивнее жизни.

Театр должен быть „театрализован“, иначе он останется бесцветным лоскутком окружающей нас жизни.

Форма театра — не форма жизни. Она ярче, она глубже...

И эту форму уже находят, по ней уже формуют то старое, что достаточно выражается в настоящем...» (Байов, 1920, 7 декабря).

Весной 1921 г. ряд литераторов ушел из «Последних известий» в новую газету «Свободное слово»¹⁷. В ней содержалось много литературных материалов: оригинальные произведения и статьи на темы литературы и искусства, театральные рецен-

¹⁷ Это была одна из самых интересных русских газет, выходила с 17 апреля по 31 октября 1921 г. Ее программа — «объединение всех русских людей без различия партий и убеждений во имя осуществления общего дела освобождения России от диктатуры меньшинства и восстановления на родине истинной свободы и справедливости для всех». Газета выступала как против красных, так и против монархистов (Исаков, 1996, с. 35).

зии. Публикации А. Готвил(л)я были в ряду лучших в этом роде в русской прессе (Исаков, 1996, с. 35). Наиболее интересной его работой в «Свободном слове» (№ 77–80) была обширная статья «Литература и революция» — аналитический обзор русской литературы 1917–1921 гг. и влияния на нее событий революционных лет. Обращая внимание, что после этой публикации другие его статьи в русскоязычных изданиях Эстонии не были обнаружены (Круус, 1989, с. 65).

Помимо кружка художников и литераторов «Черная роза» Алексей Байов, вероятно, состоял также членом русского литературного таллинского кружка, объединявшего и литераторов, и любителей словесности. Кружок существовал с 1898 г. до революционных событий, возобновил свою деятельность в начале 1919 г. и особенно активно функционировал в 1920–1921 гг.

После того как издание еженедельника «Облака» было прекращено, А. Байов начинает сотрудничать в другом «еженедельнике литературы и искусства» — «Отклики»¹⁸. Вышло всего три номера этого журнала в марте–апреле 1921 г., однако Байов успел стать одним из самых активных его авторов. Его статья «Печальные песни» об А. Вертинском — как всегда, мастерский критический разбор творчества поэта (Исаков, 1996, с. 38). В «Откликах» и сам Байов наконец выступил как поэт. Он опубликовал отрывки из своей поэмы «Башня» и зарекомендовал себя как представитель символистской линии в поэзии 1920-х годов, причем один из лучших русских поэтов в Эстонии. Очевидно, что он ощущал себя последователем А. Блока, и в № 2 еженедельника «Отклики» от 23 марта 1921 г. была приведена следующая характеристика его поэмы «Грядущая Цусима» (опубликована отдельным изданием в начале 1921 г. под псевдонимом А. де Готвиль), по-видимому написанная им самим: «Это своего рода ответ на известное стихотворение А. Блока „Скифы“, явившееся как бы символом веры целого поколения в русской поэзии последнего периода» (Круус, 1989, с. 64–65).

Перед нами отрывки из поэмы А. Байова «Грядущая Цусима», ставшие доступными только благодаря статье Р. Крууса (Круус, 1989, с. 66, 68):

Не скифы мы — мы Азии сыны!
Идем на вас несметною ордою.
И перед нами склоните главы
Табуном смятою травою.
Нам надоел ваш шум и гам.
Вы нам мешаете творить молитву нашу.
Вы нам мешаете ходить в наш молчаливый храм,
К губам преподносить видений чашу...

Я — дикий всадник Чингиз-хана —
Покрою кровью ваши алтари
И из кровавого тумана
Сотку победный гимн страдающей земли!
И рухнет Кремль, и Лондон запыляет,
Берлин падет во прах, Париж в ничто взлетит —
И твой народ бессильно зарыдает,
И перед нами голову склонит.
Мы налетим могучею ордою,
Мы принесем с собой огонь, и смерть, и мир —

¹⁸ Основные задачи издания — знакомить читателей с литературой русского зарубежья и поддерживать местных русских литераторов. В нем появилось много публикаций–перепечаток литераторов из Советской России (А. Ахматова, А. Белый, А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский, Н. Гумилев), но задача объединения русских писателей, проживающих в Эстонии, выполнена не была (Исаков, 1996, с. 37; 2001, с. 279–280).

Мир вечный нашею пустынною мольбою,
 Цусимским грохотом бряцанья наших лир!
 Цусимский марш — марш похоронный —
 Его вам пропоет грядущий Хубилай.
 И над Европою с молитвой святозвонной
 Раздастся громкое, победное — банзай!

Цусима в поэме Байова символизирует поражение, разгром европейцев, белой расы азиатами, желтой расой. Скифы же — это образ разбушевавшейся в России народной революционной стихии из стихотворения Блока. «Захватившие Кремль и власть в стране большевики, сами того не осознавая, являются лишь частью этого нового разрушительного начала, сегодняшних „монголов“, чья историческая миссия — уничтожить современную европейскую цивилизацию, отжившую свой век» (Русская эмиграция и русские писатели Эстонии, 2002, с. 299–300). Современные литературоведы характеризуют это произведение как одно из проявлений зарождавшегося евразийства, постсимволистское стихотворение с идеями скифства (Исаков, 1996, с. 44).

Еженедельник «Отклики», как и «Облака», быстро прекратил свое существование. Очевидно, сразу же возникла идея выпуска еще одного журнала — «Гамаюн». Инициаторами его создания выступили писатель Владимир Гущик и Алексей Байов. «Гамаюн» должен был продолжить идею «Откликов» — публиковать произведения русских писателей Эстонии, а также приводить перепечатки из советских литературных изданий. Вновь лейтмотив всего творчества и деятельности А. Байова — соединение Востока (в данном случае авторы из Советской России) и Запада (авторы из Эстонии)! 10 мая 1921 г. он написал письмо А. Блоку в Петроград с предложением участвовать в работе журнала «Гамаюн». Подлинник этого письма хранится в ЦГАЛИ (Ф. 55, оп. 12, д. 482. Л. 4–5)¹⁹. За две недели до этого Байов посылал Блоку другое письмо и 10 экземпляров своей книги «Грядущая Цусима» для петроградского Дома искусств. Очевидно, хотел познакомить петроградских писателей и литературную общественность со своим ответом на поэму «Скифы». Судя по карандашной пометке А. Блока на обороте письма от 10 мая, он реагирует на него резко отрицательно: он оскорблен предложенными ему (как он полагает, низкими) гонорарами «Гамаюна», книг не получил, но самое главное — он не сумел разобрать подпись писавшего — А. Байов де Готвиль (Круус, 1989, с. 65).

Что касается журнала «Гамаюн», то в 1921 г. его издание не состоялось, как не случилось этого и позднее, при жизни А. Байова. Единственный номер вышел только в 1925 г. под редакцией В. Гущика²⁰ (Исаков, 2001, с. 280).

Письмо же к Блоку, обнаруженное в ЦГАЛИ рижским литературоведом Р. Тименчиком еще в 1980 г. (Круус, 1989, с. 61), послужило началом поиска загадочного отправителя, жившего в Таллине, как бы с другого полюса. Я стала разыскивать неизвестного ученика О.О. Розенберга, написавшего о своем учителе, прибалтийские исследователи — ревельского литератора, журналиста и поэта. Эстонские русисты обнаружили одного из наиболее интересных русских авторов, публиковавшегося в Таллине в начале 1920-х годов под рядом псевдонимов. Но о том, что перед ними ученик выдающегося буддолога О.О. Розенберга, они узнали лишь из статьи самого Байова, посвященной памяти Розенберга. М. Лаэнеметс и Дж. Барлоу, очевидно,

¹⁹ Письмо опубликовано в издании «Александр Блок. Переписка. Вып. 2. Письма к Александру Блоку» (М., 1979, с. 499) в разделе «Неустановленные лица» (Круус, 1989, с. 65).

²⁰ В мае 1921 г. В. Гущик обращался к А. Куприну с таким же предложением сотрудничать в журнале «Гамаюн» (Круус, 1989, с. 65).

не были знакомы с находкой прибалтов. Теперь же круг замкнулся, и полностью прояснилась судьба одного из многочисленных одаренных русских юношей, вынужденных трагическими обстоятельствами покинуть свою родину.

Он умер молодым. Перед этим долго и тяжело болел. Живи он дольше, наверняка оставил бы яркий след в русской литературе Прибалтики и, может быть, вернулся бы к своим любимым занятиям буддийской философией. Алексей Алексеевич Байов скончался 31 августа 1923 г. и был погребен на ревельском Александро-Невском кладбище. Ему было 24 года. «Последние известия» (№ 215) поместили траурное сообщение об этом.

В этой же газете (№ 218) был опубликован и некролог, написанный Леонидом Лучининым, рецензентом «Последних известий». Он представляет тем большую ценность, что позволяет судить об Алексее Алексеевиче Байове как о человеке. Это единственная характеристика Байова. Лучинин вспоминает «мрачную, согнутую, так не похожую на юность фигуру» Байова «с взглядом, упорно опущенным вниз, в землю». В глазах современников Байов «был глубоко интересным человеком с одинокой, сторожко захлопнутой душой, с болезненной чуткостью... Действительно, он умер в годы яркого горения своего таланта, в ту полосу жизни, когда творческие силы доходят до полноты прилива, умственное напряжение особенно остро и фантазия пылает безмерно, мучительно и сладко.

Начал писать он еще мальчиком, в классах училища правоведения; увлекался историей литературы, современной поэзией, пышностью, разнообразием и красотой всех искусств.

По натуре, по свойству своего дарования Байов-Готвиль был экспрессионист, и, несмотря на свою молодость, черты его литературной физиономии выражались определенной индивидуальностью.

Он не только писал, но жил и чувствовал образами...

И он ушел в нее, в эту землю... куда он всматривался так настойчиво, словно слышал ее зов и хотел рассмотреть, узнать, разгадать то, что готовила она ему своей ранней могилой, взявшей его молодость, его талант, его несомненные взлеты, которые дали бы людям и яркие мысли, и страстную лирику, и художественные образы...» [цит. по (Круус, 1989, с. 66)].

Алексее Алексеевичу Байову не дано было состояться как ученому, последователю своего великого учителя О.О. Розенберга, но своими статьями о русском востоковедении и собственной попыткой осмыслить буддийские произведения он, безусловно, выполнил долг перед учителем полностью.

Список сокращений

БАН — Библиотека Академии наук

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения

РНБ — Российская национальная библиотека

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Прив.-доц. — приват-доцент

Список литературы

Байов А.А. Русская наука. О.О. Розенберг // Свобода России (газ.). Таллин, 1920, 28 мая. № 116.

Байов А.А. Русская наука. Восточная филология // Свобода России (газ.). Таллин, 1920, 3 июня. № 121.

- Байов А.А. О театре // Последние известия. Таллин, 1920, 7 декабря. № 99.
- Барлоу Дж. Отгон Оттонович Розенберг (1888–1919) — блестящий молодой русский буддолог // Петербургское Востоковедение. СПб., 2002, вып. 10. С. 464–478.
- Елисеев С.Г. Тюремный дневник (май–июнь 1919 г.). Воспоминания о Петрограде (1919–1920 гг.) и побег в Финляндию. 19 октября 1920 г. // Уроки гнева и любви. Сборник воспоминаний о годах репрессий (20-е–80-е гг.). 4-й выпуск. Составитель и редактор Т. Тигонен. СПб., 1993.
- Исаков С.Г. Русские в Эстонии. 1918–1940. Тарту, 1996.
- Исаков С.Г. Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940). Тарту–Санкт-Петербург, 2001.
- Круус Р. Алексей Алексеевич Байов — А. де Готвиль // Радуга. Таллинн, 1989, № 3. С. 61–68.
- Лаэнеметс М. Новые сведения об обстоятельствах смерти О.О. Розенберга. Розенберг скончался в Таллинне в конце ноября 1919 г. // Буддизм России. СПб., 2000, № 33. С. 66–71.
- Ольденбург С. Памяти О.О. Розенберга // Мысль. Пг., 1922, № 1. С. 157–158.
- Русская эмиграция и русские писатели Эстонии. 1918–1940. Антология. Сост. С.Г. Исаков. Таллинн, 2002.
- ЦГА СПб. Ф. 2551, оп. 15. Д. 11.
- ЦГА СПб. Ф. 2551, оп. 13. Д. 11.
- ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 2. Д. 172.
- ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3. Д. 45758.
- Stcherbatsky Th. Biografische Skizze // Materialien zur Kunde des Buddhismus. 6. Heft. Heidelberg, 1924. S. 44–47.

Summary

S.I. Marakhonova

A.A. Baiov — One More Russian Name Now Returned. The Fortune of O.O. Rosenberg's Pupil

The article concerns the last pupil of the famous Buddhologist Otton Rosenberg, Alexei Baiov. Born in 1899, he studied at the St. Petersburg University only for one year. During the Civil war he emigrated to Estonia. He was the first to write a special article (May, 28, 1920) on the death of Rosenberg in November, 1919 and the only one to tell the truth about the circumstances that became hidden very soon. Because of the situation he was not able to continue his Buddhologic studies but became a well-known journalist, a writer, a poet and a literary critic in the Russian press of Tallin (Revel). His works about Oriental studies in post-revolutionary Russia and his poem “The Future Thusima” are especially important. As he used a pseudonym, it was very difficult to identify the author with Baiov.

On the one hand, important data has been found recently in St.-Petersburg archives about Baiov as a student of the University. On the other hand, an unknown A. de Hauteville wrote many articles in the Tallin newspapers in the 1920s. This mystery was solved thanks to his signature as Baiov d'Hauteville found in one of the documents.

Unfortunately, this talented young man died in Tallin on August 31, 1923, when he was only 24 years old.